

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ ПРОФ. А. И. ЕФИМОВА «ЯЗЫК САТИРЫ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА»*

2 марта 1954 г. состоялось заседание секции русского языка Ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященное обсуждению книги доктора филол. наук проф. А. И. Ефимова «Язык сатиры Салтыкова-Щедрина». Открывая заседание секции, заместитель директора Института доктор филол. наук проф. В. И. Боровский отметил большое значение, которое имеют работы, посвященные языку писателя. Рассмотрение как положительных сторон книги А. И. Ефимова, так и ее недостатков может оказаться полезным и для других авторов, исследующих язык писателя, так как они должны будут в какой-то мере считаться с теми критическими замечаниями, которые касаются вопросов, связанных не только с изучением языка Салтыкова-Щедрина, но и вообще с изучением языка художественных произведений.

Во вступительном слове член-корр. АН СССР проф. С. Г. Бархударов отметил, что книга А. И. Ефимова является первой обстоятельной монографией о языке писателя, вышедшей после дискуссии по вопросам языкознания. В ней автор стремится реализовать те положения об изучении языка художественной литературы, которые разработаны в советском языкознании за последнее время. Массовый интерес к вопросам изучения языка художественных произведений вызвал широкое общественное внимание к книге А. И. Ефимова. Являясь попыткой исследования лексики и фразеологии крупнейшего русского писателя, книга А. И. Ефимова оказывает определенное воздействие на практику научной работы в этой области, а также на практику учебной работы в вузе и в школе. Это возлагает на автора работы большую ответственность, так как широкое распространение получают не только правильные, ценные мысли, но и ряд содержащихся в книге ошибочных утверждений. Необходимо определить те положительные стороны монографии А. И. Ефимова, которые подлежат пропаганде и распространению, и те ее отрицательные стороны, которые должны быть подвергнуты серьезной критике, чтобы предупредить использование методов изучения языка писателя, не соответствующих научным требованиям, предъявляемым к лингвистическим исследованиям в данной области.

Основная цель обсуждения книги А. И. Ефимова заключается в выяснении принципиальных теоретических вопросов, определяющих методы изучения языка писателя.

Проф. С. Г. Бархударов указал на то, что спорность ряда положений книги А. И. Ефимова определяется состоянием той области научного исследования, представителем которой является А. И. Ефимов. Эта область науки молодая, методы и приемы исследования языка писателя спорны, основные понятия, которыми она должна оперировать, не выяснены, отсутствует более или менее устойчивая терминология.

В обсуждении книги А. И. Ефимова приняли участие канд. филол. наук В. Н. Хохлачева, В. Д. Левин, И. С. Ильинская, И. А. Оссовецкий, доктор филол. наук Н. С. Поспелов, аспиранты А. Т. Кунгурова и В. М. Григорян. Все участники обсуждения признали основной заслугой автора книги наличие в ней большого фактического материала, полезного не только для исследования языка одного из крупнейших художников русского слова, но и для изучения литературного языка второй половины XIX в. Однако метод интерпретации этого материала вызвал серьезные возражения у большинства выступавших. Отсутствие твердых теоретических основ обусловило ряд методологических ошибок автора, нечеткость в определении задач исследования, неустойчивость используемой автором терминологии, пестроту имеющихся в книге классификаций и значительное количество фактических ошибок, связанных с анализом конкретного материала.

* А. И. Ефимов, Язык сатиры Салтыкова-Щедрина, М., Изд-во Моск. ун-та, 1953. 496 стр.

Канд. филол. наук И. А. Оссовецкий отметил, что автор не положил в основу книги определенной «рабочей гипотезы», не дал единой концепции, которая позволила бы выяснить понимание основных категорий, используемых автором, и отражалась бы в точной терминологии. Термин «язык» многозначен и в применении к языку писателя требует специального раскрытия. Название книги «Язык сатиры Салтыкова-Щедрина» предполагает прежде всего обоснование понятия «язык писателя», однако понятие это остается нераскрытым, и термин «язык» безразлично и без достаточной мотивировки употребляется в разных значениях. Отсутствие ясности и определенности в понимании этой основной категории не могло не отразиться на характере всего исследования. Название книги неправомерно, так как в ней освещаются только вопросы лексики и фразеологии.

Участники обсуждения признали общим методологическим недостатком монографии смешение языковых явлений с явлениями, стоящими вне языка. Подробно остановилась на этом вопросе канд. филол. наук В. Н. Хохлачева, отметившая, что в книге большое место занимают рассуждения, не имеющие отношения к языку, например, рассказ о цензурных условиях в период творческой деятельности Салтыкова-Щедрина (стр. 21 и сл.), характеристика отношения Салтыкова-Щедрина к реакционным журналам и газетам, примеры из безграмотных лекций профессоров университета того времени (стр. 135) и т. д. В. Н. Хохлачева привела ряд высказываний А. И. Ефимова, которые раскрывают его основные методологические позиции, определяющие направление в анализе материала. Автор не проводит четкой грани между анализом языка писателя и анализом взглядов и суждений писателя, во многих случаях анализирует идейное содержание слова, идеи, выражаемое словом. Такой анализ не может быть признан лингвистическим. Установка автора, ставящего знак равенства между идеологией и языком, считающего, что «идеологическая зрелость сатирика нашла отражение в его языке» (стр. 11), не соответствует положению марксистского языкознания о том, что язык безразличен к классам и так же хорошо обслуживает пролетариат, как и буржуазию.

Канд. филол. наук И. С. Ильинская и отметила, что основная методологическая ошибка автора, смешивающего языковые явления с явлениями, стоящими вне языка, находит отражение в каждом разделе, почти на каждой странице книги. Например, А. И. Ефимов приписывает Щедрина роль лексикографа своего времени, исходя из замечаний Щедрина, касающихся в большинстве случаев не самих слов, а того содержания, которое заключается в этих словах. Оценки Щедрина, представленные А. И. Ефимовым как оценки лингвистические, на самом деле являются оценками тех явлений окружающей действительности, с которыми сталкивался Щедрин. Автор пишет, что «прежние градации и рамки словарных категорий не удовлетворяют больше Щедрина, и он дает собственную классификацию общественно-политического словаря» (стр. 38). Перечисляются категории слов, оцениваемые Щедриным в отрицательном смысле (*пустопорожные выражения, пахостные жалчи, мудреные слова и т. д.*), которым Щедрин противопоставляет другие, интерпретируемые уже в положительном смысле, — «забытые слова» (*стыд, совесть* и др.). Совершенно ясно, говорит И. С. Ильинская, что *стыд и совесть* — не забытые слова, а забытые понятия. Указанная методологическая ошибка автора проявляется также в неправомерном отождествлении понятия «просторечные речевые средства» с понятием «подоплечный словарь». Многие слова из «подоплечного словаря» выражают отношение Щедрина к тому или иному явлению действительности, являются характеристикой, оценкой этого явления и к языку как к таковому отношения не имеют. И. С. Ильинская привела ряд других примеров, иллюстрирующих не лингвистический, а предметный подход автора к изучаемым явлениям. А. И. Ефимов относит слово *взятка* к административно-канцелярской лексике, повидимому, только потому, что в этой среде процветало взяточничество. Слова *мед и ручки* включаются в лексику крестьянского обихода на основании отнесения данных предметов к соответствующей сфере бытования.

Ряд фактов, говорящих о смешении в книге Ефимова лингвистического анализа с анализом содержания, был приведен канд. филол. наук В. Д. Левиным. Так называемый «прием «синонимических» сближений» (*член... клуба... тобить, земства...; параллель сотрудничи—прихлебатели и др.*) представляет собой оценку тех или иных явлений действительности путем наименования их другими словами. Не имеет отношения к анализу языка писателя сопоставление текстов Щедрина в окончательной и первоначальной редакции, измененной в результате цензурных правок, и т. д.

Внимание участников обсуждения привлекла также проблема изучения языка писателя в связи с языком эпохи, к которой относится творчество данного писателя. На материале языка Салтыкова-Щедрина, сказал И. А. Оссовецкий, необходимо решать не только частные вопросы, не выходящие за рамки изучения индивидуального своеобразия языка Салтыкова-Щедрина, но и более общие вопросы, разрешение которых внесло бы определенный вклад в историю русского литературного языка. Эта проблема не находит широкого освещения в книге А. И. Ефимова. Язык Щедрина представлен автором как самодовлеющая система, не соотношенная с литературным языком его эпохи.

В. Н. Хохлачева указала на то, что автор признает правомерность двух аспектов изучения языка писателя — решение вопроса о соотношении языка писателя и языка эпохи и вопроса о языке и стиле писателя. Однако в книге нет глав, посвященных характеристике языка эпохи. Отдельные замечания, касающиеся этого вопроса, носят декларативный характер и не сопровождаются описанием конкретных языковых фактов. Отказ от изучения языкового фона, на котором выступает творчество Салтыкова-Щедрина, помешал автору раскрыть в полной мере новаторство Салтыкова-Щедрина, несмотря на то что в книге постоянно встречаются термины, связанные с этим понятием («речетворчество», «фразеологическое новаторство», «новообразование», «словообразование», «словотворчество», «неологизмы», «семантическое новообразование», «сатирическое новообразование», «суффиксальное новообразование» и т. д.). Автор те или иные факты языка писателя рассматривает обособленно от общих лексико-семантических и грамматических процессов, происходящих в языке. Это позволяет ему видеть «речетворчество» там, где Салтыков-Щедрин использует средства, уже существовавшие в языке (например, в разделе «Словотворчество Щедрина» встречаются слова *абстрактность*, *аккуратность*, *подозрительность*, *начальство*, *удальство*, *буйство* и т. д.). Термин «новообразование», по мнению В. Н. Хохлачевой, употребляется в очень широком смысле, объединяя самые разнообразные явления — от образования новых слов (*пенкосниматели*) до иронического употребления формул газетных корреспонденций (*из Егорьевска пишут*). Новообразованиями признаются и новые слова, созданные Салтыковым-Щедриным, и новые слова в языке, и индивидуально-стилистическое использование ряда языковых фактов.

Постоянное смещение А. И. Ефимовым индивидуального и общезыкового в языке Щедрина, связанное с тем, что язык эпохи не был в полной мере изучен автором, отметил В. Д. Левин в И. Задача, которую ставит перед собой автор исследования, — показать вклад Щедрина в развитие русского литературного языка, осталась неразрешенной. В книге приводится большое количество фактов, ничего не дающих для характеристики языка Щедрина и не имеющих отношения к основной задаче работы, например, указание на то, что у Щедрина встречаются военные термины (*эскадрон выступил в поход против турок*; *мы, офицеры*; *полковничий* и т. д.); слова: *мастерские*, *кладовые*, *приказчик*, *кучер*; слова, относящиеся к административно-чиновничьей сфере: *заседатель*, *председатель*, *столоначальник* и т. д. Приводя ряд фактов, представляющих собой индивидуальное словотворчество Щедрина, А. И. Ефимов не разграничивает различных по своему характеру случаев (ср. *ваше сиятельство*, *лаятели*, *кусатели*). Не прослеживается автором и дальнейшая судьба новообразований Щедрина в литературном языке.

Автор ставит перед собой задачу раскрыть новаторство Щедрина в области публицистической лексики. Однако указание на то, что Щедрин включает в публицистический жанр лексику просторечия, не имеет, по мнению В. Д. Левина, прямого отношения к поставленной задаче, так как просторечная лексика от этого не становится публицистической. Щедрин просто расширяет возможность использования этой лексики в разных жанрах литературы. Нельзя считать, что Щедрин обогащает публицистическую лексику словами *высолоухие*, *безголовые*, которые также рассматриваются А. И. Ефимовым в связи с характеристикой публицистической лексики.

И. С. Ильинская высказалась за необходимость разграничения общезыкового фона щедринской эпохи и собственного языкотворчества писателя. Но осуществить это требование, по мнению И. С. Ильинской, А. И. Ефимов не мог, так как нет достаточного количества работ, на которые А. И. Ефимов мог бы опереться, чтобы показать этот фон и определить то, что создано Салтыковым-Щедриным.

Разрешение автором книги вопроса об использовании Салтыковым-Щедриным элементов разных стилей в общепринятом языке также было признано участниками обсуждения неудовлетворительным. И. А. Оссовецкий отметил, что термин «стиль» у А. И. Ефимова отличается такой же многозначностью и неопределенностью, как и термин «язык». В употреблении автором терминологии сказывается отсутствие единого принципа стилистической классификации языковых фактов и теоретической обоснованности тех понятий, которыми автор оперирует.

Об отсутствии стройной и строгой стилистической системы, по которой классифицируется языковой материал, говорила и В. Н. Хохлачева. Она также отметила, что остается неясным понимание А. И. Ефимовым ряда терминов. Например, возникает вопрос: какое содержание вкладывается в термин «жаргон», если в качестве элементов дворянского жаргона упоминаются слова *любимые* и *постылые*, *девка*, а также вся бранная лексика — *балбес*, *чорт*, *ведьма*, *бесструнная балалайка* и т. д. Содержание терминов «профессионализм», «просторечие» и ряда других также не находит удовлетворительного разъяснения. Об этом же говорил и аспирант В. М. Григорян.

В. Н. Хохлачева подчеркнула и отсутствие единого критерия в разграничении стилей общепринятого языка. Говоря о «публицистических стилях», стилях философских работ и т. д., автор, повидимому, кладет в основу их разграничения жанровый признак.

Однако, замечает В. Н. Хохлачева с жанровым признаком в основе стилей трудно связать выделенную А. И. Ефимовым книжно-беллетристическую лексику: критерии выделения ее остаются неясными для читателя, тем более что автор соединяет с ней представление о риторизме и сочинительстве; но ни риторизм, ни сочинительство не имеют отношения к стилю языка. Вследствие отсутствия четкости в стилистической квалификации фактов языка стилистическая схема, разработанная автором книги, не может представлять собой образца для подобных работ.

Разрешение вопроса об индивидуальном стиле Салтыкова-Щедрина в книге А. И. Ефимова не стало предметом всестороннего обсуждения, и большой круг проблем, связанных с методами анализа «слога» писателя, остался за пределами внимания участников обсуждения. Проблемы освещения в книге А. И. Ефимова стиля сатиры Салтыкова-Щедрина вскользь коснулась В. Н. Хохлачева, считающая, что эта задача разрешена А. И. Ефимовым неудовлетворительно. По мнению В. Н. Хохлачевой, в книге нет стройной системы описания индивидуальных средств художественного выражения; отдельные замечания о стилистических приемах Салтыкова-Щедрина разбросаны по всей книге. Не показана А. И. Ефимовым и эволюция стиля Салтыкова-Щедрина.

Выступавшие признали наиболее удачными те разделы книги А. И. Ефимова, в которых речь идет о фразеологии об эзоповском языке Щедрина, о средствах художественной побразительности. Часть книги, посвященная лексике Салтыкова-Щедрина, дала повод к многочисленным замечаниям, касающимся как метода лексического анализа, так и целого ряда частных вопросов. Был отмечен ряд недостатков в лексическом анализе И. С. Ильинская обратила внимание на смешение автором значения слова с его образным употреблением. Например, А. И. Ефимов утверждает на стр. 27, что слово *почва* приобрело новое «публицистическое значение» — «народ». В примерах, иллюстрирующих это положение, слово *почва* не имеет значения «народ». Образное употребление этого слова в соответствующем контексте в значении «основание», «опора» наталкивает нашу мысль на представление о народе, но такого значения это слово иметь не может. И. С. Ильинская привела и другие многочисленные примеры ошибок в лексическом анализе.

И. С. Ильинская и И. А. Осовецкий указали на чрезмерное доверие А. И. Ефимова к филологическим оценкам Салтыкова-Щедрина. Салтыков не был лингвистом, сказал И. А. Осовецкий, и его утверждения, его классификацию тех или иных языковых фактов необходимо было прокорректировать с точки зрения языковеда, стоящего на уровне современного состояния науки о языке. В частности, А. И. Ефимов при определении состава и функций просторечия отправляется непосредственно от понимания этой категории Салтыковым-Щедриным. Этим объясняется анахронизм и странная терминология, используемая в авторском тексте там, где речь идет о просторечной лексике и фразеологии.

С. Г. Бархударов отметил, что А. И. Ефимов в своей работе некритически принимает данные словаря 1847 г., не учитывая принципов его составления. Общеизвестно, что этот словарь не отражает состояния русского языка той эпохи. Если он и дает какие-то нормы — то это нормы 20-х, а не 40—50-х годов. А. И. Ефимов не учел этого обстоятельства, что привело его к целому ряду необдуманных выводов.

А. Т. Кунгурова замечает, что автор книги вкладывает слишком широкое содержание в понятие просторечной лексики, включая в состав просторечия и разговорную лексику со всеми ее разновидностями, и областную лексику, которую словарь 1847 г. именует лексикой «простонародной». Термин «просторечие» у А. И. Ефимова объединяет разные по происхождению и по эмоциональной окраске слова (например *стануть, бракнуто, кляуза* — с одной стороны, и *гурьба, вагода, шугать* — с другой). Вывод А. И. Ефимова о том, что просторечие в языке сатиры Щедрина играет роль оценочно-характеристическую, вследствие такого расширения границ просторечия, нельзя считать полностью оправданным, поскольку областные слова не выполняют этой функции. А. Т. Кунгурова полагает также, что каких-то особых «просторечных значений» слов, устанавливаемых А. И. Ефимовым, не существует. Те слова, которые, по мнению А. И. Ефимова, обладают особыми «просторечными» значениями, на самом деле представляют собой экспрессивно окрашенные синонимы к словам стилистически нейтральным (например, слово *логан* в значении «лицо»).

Большое внимание участников обсуждения привлекло в работе А. И. Ефимова отсутствие единого принципа классификации материала, отсутствие устойчивого содержания употребляемых автором терминов, стиль изложения. В. Д. Левин указал на то, что слова в книге иногда классифицируются по значению, иногда по суффиксам; в отдельных случаях вообще трудно определить принцип классификации.

И. С. Ильинская отметила недопустимую небрежность в подаче материала. На стр. 52—56 публицистическая лексика подразделяется А. И. Ефимовым на шесть

разрядов в зависимости от происхождения и структуры. В последующем изложении шестой разряд совсем не представлен, о пятом разряде имеются некоторые сведения в характеристике первого разряда, третий разряд влит во второй разряд в виде отдельных замечаний. Подобные факты говорят о шаткости предложенной классификации.

Доктор филол. наук Н. С. Поспелов сравнил метод изложения материала проф. А. И. Ефимовым с той эзоповой манерой, о которой говорит сам автор, характеризуя стиль Салтыкова-Щедрина. В книге имеются яркие примеры полисемантизма словоупотребления и того, что Щедрина называет «фигурой умолчания». Это «умолчание» касается ряда основных, принципиальных вопросов и составляет существенный недостаток этой работы. Например, автор не раскрывает сущности терминологической лексики. Понимание народности оказывается общим, приблизительным, неясным. Просторечие определяется на стр. 202 как «мощный резервный фонд, тот важнейший источник, из которого в середине XIX в. интенсивно пополнялись ведущие стили литературного языка, и в первую очередь формировавшиеся стили революционно-демократической сатиры и публицистики». Н. С. Поспелов указал, что приведенную характеристику просторечия нельзя считать определенным. Он привел ряд примеров из книги А. И. Ефимова, свидетельствующих о нечеткости классификаций, например, в группировке просторечной фразеологии, и отметил полисемантизм терминов и их необоснованное во многих случаях употребление, например, неправомерное применение термина «синтагма» к словам, образованным путем словосложения (*рылокошение* и др.).

С. Г. Бархударов подробно остановился на характеристике языка и стиля самой книги А. И. Ефимова, подчеркнув, что на эту сторону исследования необходимо обратить серьезное внимание, так как основные недостатки манеры изложения А. И. Ефимова свойственны и многим другим работам, посвященным языку писателя. Обилие второстепенных определений беллетристического порядка, отсутствие точных терминов, закрепленных за определенными явлениями, невозможность отличить термин от патетического приема — все это затрудняет восприятие книги и вызывает со стороны читателя множество вопросов, на которые он не находит удовлетворительного ответа. С. Г. Бархударов проиллюстрировал свои мысли рядом цитат, взятых из разных глав книги А. И. Ефимова. Например, на стр. 62 автор пишет: «К публицистическим терминам, образованным при помощи суффикса *-ость*, у Щедрина примыкают многочисленные сатирические новообразования, созданные на материале разговорно-бытовой лексики: «умственная оголтелость», «торжествующая паршивость», «вошлелость», «салдоватость», «остервенелость вражды», «лестистость» (от слова «лесь». — А. Е.) понятий провинциальных дворян, «можнатость понятий» и другие». Это одно предложение, заметил С. Г. Бархударов, вызывает целый ряд вопросов. Почему новообразования *оголтелость* и *паршивость* примыкают к публицистической терминологии? Что следует понимать под «новообразованиями»: слова, образованные во времена Салтыкова, или во времена Пушкина, или еще раньше? Какое содержание скрывается под термином «сатирические новообразования»? Разве существуют новообразования комические, драматические, лирические и т. д.? Что сатирического находит автор в словах *лестистость* и *можнатость*? и т. д.

С. Г. Бархударов говорил также о декларативности выводов, для которых не дают основания соответствующие главы книги. Часть книги, посвященная анализу лексики Салтыкова-Щедрина, по мнению С. Г. Бархударова, нуждается в серьезной переработке. В заключение С. Г. Бархударов выразил надежду, что в дальнейшей своей научно-исследовательской работе автор учтет все те замечания, которые были высказаны участниками обсуждения.

В ответном слове проф. А. И. Ефимов поблагодарил выступавших за серьезное, принципиальное обсуждение его книги, учитывая прежде всего интересы науки и стремясь к устранению всех сбивчивых, ошибочных и неясных положений. А. И. Ефимов отметил, что обсуждение является полезным не только для автора, но и для всех тех, кто работает в этой области лингвистики.

Тем не менее автор согласился лишь с отдельными замечаниями, касающимися частных вопросов, отклонив в то же время возражения принципиального характера. Мировоззрение, сказал он, конечно, не определяет всего в языке писателя. Два писателя с одинаковым мировоззрением пишут по-разному, но все-таки употребление речевых средств определяется мировоззрением, содержанием произведений, традицией.

Однако участники совещания отметили, что указанное положение А. И. Ефимова применяется им и в тех случаях, когда речь идет не о стиле, а о языке писателя. Эта установка автора стала вообще методом его исследования и привела к ряду конкретных ошибок в лексическом анализе.

А. И. Ефимов присоединился к мнению И. С. Ильинской о том, что разграничение языкового фона эпохи и языковости Щедрина представляет большие трудности. Автор не принял обращенный к нему упрек в смешении значения и образного употребления слова, утверждая, что употребление является применением одного из значений

слова, и настаивал на том, что слово *почва* в течение некоторого периода времени имело значение «народ». Понятие значения слова, сказал А. И. Ефимов, охватывает многие случаи его образного индивидуального применения. А. И. Ефимов подчеркнул, что он не ставил перед собой задачи уточнения целого ряда терминов («просторечие», «фразеологическая единица» и др.). Отсутствие твердых принципов классификации он признал одним из недостатков книги.

Закрывая заседание секции русского языка Ученого совета, В. И. Борковский отметил, что обсуждение книги А. И. Ефимова, особенно методов изучения языка писателя, имеет большое значение, в частности, для работающих над диссертациями, посвященными языку писателя.

И. И. Ковтунова